

Дж.Я. Рахаев

**ТЕМГРЮК ИДАРОВ
В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КАБАРДИНЦЕВ
(XVI — НАЧАЛО XXI в.)¹**

8 сентября 2007 г. в ознаменование 450-летия добровольного вхождения Кабарды в состав Российского государства был открыт новый монумент. Мемориальная арка Дружбы была возведена благодаря личным средствам Президента КБР Арсена Канокова по проекту Музабира Бжахова. В церемонии приняли участие высокопоставленные лица из числа политиков, военных и бизнесменов, деятели науки и культуры.

Первоначально планировалось украсить ее барельефами, изображающими сцены из нартского эпоса и адыгской истории. Кроме того, на четырех постаментах предполагалось установить бронзовые фигуры видных исторических деятелей, внесших вклад в развитие российско-кабардинских отношений — верховного князя Кабарды Темгрюка Идарова и русского царя Ивана Грозного. Арку планировалось назвать Триумфальной. Однако общественно-консультативный совет при Президенте КБР высказался против такого названия. Вместе с тем члены Совета отклонили предложение установки скульптуры Ивана Грозного. Подводя итоги обсуждения, Президент предложил установить бронзовые скульптуры через год, не персонифицируя их. Название арки также было изменено.

Новый памятник в Нальчике и обстоятельства его открытия вызывают при ближайшем рассмотрении множество вопросов. Прежде всего, почему именно фигура Темгрюка Идарова, правителя крайне противоречивого, стала символом союза и единения Кабарды с Россией? Собственно, какие исторические события XVI в. лежат в основании юбилейного празднования? И, наконец,

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Образы прошлого в социально-политических и этнокультурных процессах у народов Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии) Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

почему мемориал воздвигнут именно в наше время? Последний вопрос кажется тем более обоснованным, что открытие монумента в Нальчике далеко не единственное мероприятие, связанное с юбилеем. Принимая во внимание масштабность празднования, большое количество книг и статей, посвященных личности и эпохе Темгрюка Идарова, появившихся в последнее время, переименование улицы Гагарина в Нальчике в улицу Темгрюка Идарова, можно без сомнения говорить о ренессансе коллективной памяти о нем у адыгов, и в особенности среди кабардинцев.

Возрастающий интерес к Идарову, его новая героизация и использование его фигуры в рекламе указывают на обширную трансформацию культуры памяти на современном российском Кавказе. Вместе с распадом СССР в 1991 г. развалились не только институты коммунистического режима, но и официальная советская доктрина истории, а вместе с ней и идея «многонационального советского народа». Поиски новых концептов коллективной идентичности на постсоветском Кавказе идут сопряжённо с формулированием новых исторических нарративов, создающих эту идентичность.

В данной работе рассматривается история памяти о Темгрюке Идарове с 70-х годов XVI в. и по первое десятилетие XXI в. Предмет нашего анализа — Темгрюк Идаров как одно из «мест», «фигур» адыгской культурной памяти. В центре внимания не биография кабардинского князя, но история «воспоминаний» о нем. Предпосылкой исследования стало положение о том, что создающийся всяким сообществом образ «собственного» прошлого позволяет сделать выводы о соотносящихся с этим образом концептах коллективной идентичности. Изменение представлений об истории понимается при этом не как процесс аккумуляции исторического знания, но как движение интерпретаций, а также как воспоминания и забвения, отражающие изменения в самоописании этноса. Следовательно, нас главным образом интересуют следующие вопросы.

Во-первых, как изменялась интерпретация образа Темгрюка Идарова в период почти пятисотлетней его истории? Во-вторых, какие моменты этой истории можно назвать переломными и как

они могут быть объяснены? В-третьих, в какие концепты коллективной идентичности интегрирована эта историческая личность?

История воспоминаний о верховном князе Кабарды Темгрюке Идарове (?–1572 г.) начинается вскоре после его смерти, практически синхронно, и в этом особенность ее укоренения в черкесской и русской культурной памяти. Тесное переплетение этих значительно разнящихся образов достаточно наглядно просматривается в период позднего средневековья. В 20-х годах XIX в. благодаря усилиям кабардинского просветителя Шоры Ногмова формируется новый образ, полностью их заместивший. На протяжении последующих двух веков именно ногмовский образ Темгрюка Идарова будет проявлять и отражать различные концепты коллективной идентичности. При этом всегда надо учитывать, что Идаров был всего лишь одной из многих фигур памяти, в которых на протяжении адыгской истории отражались различные концепты общности.

Вопрос о том, почему Темгрюк Идаров попал в культурную память практически сразу после своей гибели, почему на протяжении столетий его фигура способна приобретать все новые и новые значения, можно прояснить, обратившись к биографии нашего героя. Темгрюк Идаров жил в травматичное для культурной памяти время, когда большинство кабардинских княжеств было вынуждено постоянно противодействовать натиску, с одной стороны, Крымского ханства, Большой и Малой Ногайской Орды, а с другой — шамхальства Тарковского.

В середине XVI в. верховный князь Кабарды Темгрюк Идаров, владения которого располагались в низовьях Терека, теснимый своими соседями — шамхалом Тарковским, ногайскими мурзами и кабардинскими князьями, направил ко двору царя Ивана IV посольство с просьбой о помощи и предложением содействия в налаживании дипломатических отношений с царствами Грузии. Русский царь, заинтересованный в активизации восточной политики, откликнулся на эту просьбу: к Темгрюку было направлено войско, на границе его владения построена крепость Терки.

Кабардинский князь направил в Москву почетными аманатами двух сыновей, а дочь Гуашаней выдал замуж за Ивана IV. С помо-

щью русских войск Идаров на короткий период сумел укрепить свое положение в регионе. В это время один из сыновей Темгрюка, бывший аманатом, попал в опалу и был казнен. Идаров, узнав о судьбе сына, фактически разорвал отношения с царем и принял участие в походе крымского хана Девлет-Гирея II (1571 г.), в знаменитом сожжении Москвы. Оставшись без союзника, Темгрюк оказался в крайне стесненном положении и вскоре погиб в сражении с ногайскими мурзами.

В XVI — начале XIX в. Идаровичи, потомки князя Темгрюка, в своих грамотах российским государям неоднократно упоминали его имя как пример преданного служения интересам России. Инкорпорированные в русскую аристократию многочисленные и влиятельные Черкасские, выходцы из Кабарды, поддерживали эти представления. Примечательно, что в кабардинском фольклоре, сравнительно подробно сохранившем предания о делах многих кабардинских князей и воинов, в том числе и противников Идарова, имя Темгрюка нигде не встречается. В начале XIX в., с включением Кабарды в состав России, возникла объективная потребность осмысления многовекового опыта русско-кабардинских отношений. Первой попыткой такого рода явилась «История адыгейского народа» Шоры Ногмова, написанная под большим влиянием «Истории государства российского» Н.М. Карамзина.

Ногмов создал совершенно новый образ Идарова, практически никак не связанный с адыгской традицией. Интересно, что даже имя этого князя — *Темгрюк*, он меняет на *Темрюк*, вслед за Карамзиным. Юность князя Темгрюка списана Ногмовым с образа русского князя Святослава, созданного Карамзиным. «Сей Князь (Святослав. — *Дж.Р.*), возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностью отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского <...> Собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле <...> Суровую жизнью он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях <...> Не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины», — Н.М. Ка-

рамзин. «Душа его (Темгрюка. — *Дж.Р.*) пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгейского народа <...> Он собрал многочисленное войско, и юное его сердце рвалось с нетерпением на поле брани <...> Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Каков был предводитель, таково было и войско», — Ш. Ногмов.

Темгрюк, вслед за Святославом, наделялся рыцарскими манерами: «Князь не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас. В эти времена варварства гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа» (Ногмов); «Святослав не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: иду на вас! В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести» (Карамзин).

Однако наиболее существенная трансформация образа Темрюка обнаруживается в ногмовской версии военно-дипломатических отношений кабардинского князя и русского царя. Верховный князь Кабарды теперь предстает как верный союзник России, погибший в неравной борьбе с татарами.

Итак, ногмовский вариант образа Идарова — это подача его прежде всего как верного союзника Ивана Грозного, погибшего в неравной борьбе с татарами. Адыгские просветители XIX — начала XX в (С. Хан-Гирей, А. Мисостов, В. Кудашев и др.), обращавшиеся к этой теме, апеллировали уже непосредственно к ногмовскому образу Темгрюка Идарова, наполняя его новыми деталями.